

Варшавская

мелодия

НЫНЕ

И

ВЕЧНО

театральный зал. Их встретили стоя. И эти аплодисменты, и эти слезы — им.

Как никогда не забыть мне польских друзей, Варшаву, так не забуду я этот спектакль, эти песни.

И вот театр «Классичны» в Москве. Мы пошли всем отделом и заняли целый ряд.

«Перед лицом Польского Народа клянусь непреклонно и до последних сил моих бороться за Его свободу и независимость и стоять на страже Его прав». Присяга. Я волнуюсь за театр. Как отнесутся к нему мои сограждане, мои земляки? Театр привык к самому горячему приему. Торопится польская речь, сознание задерживается на знакомых словах, похожих на русские, а они уже далеко... «Держитесь, ребята», — думаю. Но вот первая песня. «Не прийти к тебе сегодня, ждет меня лесная рать...» Они поют по-русски. Мелодия очень грустная и очень простая. Не взволноваться нельзя. Нельзя не понять. Все будет хорошо.

...Диктор читает сводку о новых массовых расстрелах. Имя... Фамилия... Год рождения... Подлинный текст. Подлинные фамилии. И песня «А если придет весна...»

Ее автор Анджей Ломень-Тшебныйский убит немцами в 1943-м.

«...Груз можем принять сегодня — или никогда!» — кричит телеграфист, плачет морзянка. «Наталья». «О, Наталья! Ты, как ветер, шум лесной и запах ландышей...» Эту песню сочинил молодой поэт Вацлав Болеский.

Убит немцами в 1943-м. «Wo sind die Banditen?», — пытается безликое и жестокое радио юную польку. Пытает долго. А она молчит, как молчали русские девушки, и с той же печальностью смотрит на фашиста. «Эй, хлопцы, в штывки! Гранаты в руки — в штывки!» Эта песня — при-

зыв к борьбе. Ее автор молодой поэт Тадеуш Гайцы.

Погиб во время Варшавского восстания в 1944-м.

Три актера читают прощальные письма приговоренных и расстрелу. Подлинные письма. Партизан пришел к матери погибшего сообщить о смерти сына. И не смог. Ушел: «Нет мать, ничего». Женщина рассказывает, как фашисты расстреляли ее родных: «А всего их было одиннадцать»...

И песни. На земле есть такие песни, которые берут за душу, поднимают на бой или заставляют плакать, даже если поют их на чужом языке.

В Польше нет семьи, которой не коснулась бы война. Нет такой семьи и у нас.

Нам ли не понять друг друга?

«Спи, товарищ, в темном гробу; пусть Польша приснится тебе...», — поют партизаны, бросая первые комья земли в могилу убитого. «Пройдут годы, и века мнут, зарастут тропинки давних дней, и только маки на Монте-Касино станут еще краснее, политые польской кровью», — поют солдаты о штурме польскими войсками монастыря в Монте-Касино. А вот они входят в зал — повстанцы Варшавы, отряд Мокотова. «Пусть этот первый марш прозвучит в день шумит в кронах деревьев и наполняет наши сердца призывом. В нем нет высоких слов и ненужных жалоб. В нем наша кровь и чьи-то слезы».

Да, на земле есть такие песни... Москвичи не хотят отпускать артистов. Еще! «По долнам и по взгорьям», — несется со сцены. Еще. «Марш Мокотова». Еще. «Червоны маки на Монте-Касино». Еще. «Не прийти к тебе сегодня...» Еще...

Нам не забыть этого спектакля. Никогда не забыть...

Т. ФЛЕРОВСКАЯ.

«Нас засекли... мы вынуждены уйти с этого места... Груз можем принять сегодня или никогда... Груз можем принять сегодня или никогда...»

Жалко пицтит морзянка. Русая пряжа упала на лоб телеграфиста. Он как будто не верит уже, что тире и точки складываются в слова, и в такт своему аппарату хрипло кричит: «Сегодня или никогда...» На сцене Малого театра идет музыкальный спектакль варшавского театра «Классичны» «Сегодня к тебе прийти не могу». Короткие драматические сцены — в песни. Песни — главное в этом спектакле. Партизанские, лирические, народные.

...Зимой этого года мне повезло быть в Варшаве. Друзья из редакции «Штандар молодых» не без

труда достали билет на спектакль «Сегодня к тебе прийти не могу» (варшавяне неделями ждут счастливого случая попасть на него). Огромный зал был переполнен в будний день, в раннее время... Очень много молодых, родившихся после войны. Но много и тех, кто пережил ее, участвовал в восстании. Мне не забыть, как из боковых дверей в зал с винтовками, строем вошли актеры. Громел «Марш Мокотова». Они шли и пели. Зал всколыхнулся и встал им навстречу. Они вышли на сцену. Встали тесно. Зал стоял. Они дошли до конца.

«Еще», — потребовал зал. Они спели «Марш Мокотова» четыре раза... То были не актеры — то были повстанцы Варшавы. Они вошли в

МОСКОВСКИЙ КОМСОМОЛ
В МОСКВУ
19 11 1949